

СЛЕПОЕ ЗОЛОТО

ТАЙЛЕР НОВАК

18+

Tyler Nowak

Слепое золото

«Автор»

2026

Nowak T.

Слепое золото / Т. Nowak — «Автор», 2026

В конце 1990-х молодой медбрат Алексей Рогов знакомится в хосписе с девяностотрёхлетней Евдокией Савельевной — последней хранительницей семейной легенды, уходящей корнями в Гражданскую войну. В декабре 1919 года через село Винное прошёл военный обоз. Четыре телеги, золото, серебро, награбленные ценности и маленький ящик с непонятным знаком. Солдаты ушли в сторону Ульбы и гор, чтобы спрятать груз до конца войны. Вечером они вернулись. Без телег. И не все. После этого в доме местного старшины начали звенеть монеты под полом, лошади обезумели, а те, кто ещё несколько часов назад смеялся и пил, стали слышать нечто, пришедшее вместе с ними из гор. Спустя десятилетия Алексей решает проверить старую историю. И понимает: легенды Винного и Бобровки связаны куда теснее, чем кажется. Потому что некоторые сокровища не ждут, пока их найдут. Они сами находят дорогу обратно.

© Nowak T., 2026

© Автор, 2026

Tyler Nowak

Слепое золото

Из записок Алексея Рогова, бывшего медицинского брата

17 ноября 1998 года

Я начинаю эти записи исключительно потому, что вторую неделю плохо сплю.

Никакой иной причины нет.

По крайней мере, я предпочитаю думать именно так.

Мне двадцать шесть лет. Я работаю медицинским братом в отделении сестринского ухода при одной из городских больниц Усть-Каменогорска и, следовательно, ежедневно имею дело с вещами гораздо более печальными, чем та история, которую собираюсь записать.

Старость лишена мистики.

Кто утверждает обратное, никогда не менял постельное бельё под человеком, который ещё месяц назад самостоятельно ходил, разговаривал, спорил с родственниками, а теперь не способен вспомнить собственное имя.

Человек стареет просто.

Тело перестаёт слушаться.

Потом память.

Потом речь.

Затем остаётся дыхание.

А потом не остаётся и его.

Поэтому я никогда не относился серьёзно к разговорам стариков о покойниках, вещих снах и прочей ерунде, которая особенно часто возникает после полуночи.

Но случай Евдокии Савельевны отличался.

Она не забывала.

В этом и заключалась проблема.

Ей было девяносто три года.

В отделение её привезли в октябре после воспаления лёгких. Худенькая, почти прозрачная женщина с неожиданно сильными руками. Родственников почти не было — какой-то дальний племянник оставил номер телефона и больше не появлялся.

Из вещей у неё имелись халат, шерстяной платок, несколько фотографий и маленький холщовый мешочек.

Мешочек она не позволяла никому трогать.

Однажды ночью он упал с тумбочки.

Я поднял его.

Внутри оказалась старая кожаная лестовка — старообрядческие чётки — и крошечная медная икона.

Евдокия Савельевна проснулась.

Увидела икону у меня в руках.

И перекрестилась двумя пальцами.

— Не клади на стол, — сказала она.

— Почему?

— Стол нечистый.

— Я же протирал.

Она посмотрела на меня с жалостью.

— Не про грязь говорю.

Я вернул мешочек.

После этого мы иногда разговаривали.

Она называла меня Алёшей, хотя я несколько раз говорил, что меня зовут Алексей.
— Алёша и есть Алексей, — отвечала она.

Спорить было бессмысленно.

В первые недели ничего необычного не происходило.

Потом начались сны.

* * *

3 декабря

Сегодня она снова разбудила меня около четырёх утра.

Кричала:

— Не считай!

Я вошёл.

Она сидела на кровати.

Глаза открыты.

— Евдокия Савельевна?

Она посмотрела на меня.

— Сколько их?

— Кого?

— Телег.

Я решил, что она ещё спит.

— Никаких телег нет.

— Есть.

— Где?

Она указала на окно.

Шторы были задёрнуты.

— Прошли.

— Кто?

— Опять прошли.

Я дал ей воды.

Она выпила.

Потом сказала совершенно обычным голосом:

— Ты в Винном бывал?

Я ответил, что слышал название, но бывать не приходилось.

— А Бобровку знаешь?

— Знаю.

— Они недалеко.

— Наверное.

Она усмехнулась.

— Теперь всё «наверное». Раньше ногами ходили — знали.

Я спросил, почему она заговорила об этих местах.

Она долго молчала.

Потом сказала:

— Мать моя из тех краёв была.

— Из Винного?

— Нет. Из Бобровки.

Это название заставило её почему-то понизить голос.

— Из поляков.

Я сначала не понял.

— Каких поляков?

— Старой веры.

Она снова перекрестилась двумя пальцами.

— Потом её в Винное замуж отдали.

— А вы там родились?

— Я позже.

Она отвернулась.

Разговор закончился.

* * *

7 декабря

Сегодня она сама позвала меня.

— Алёша.

Я подошёл.

— Сядь.

— У меня обход.

— Живые подождут.

— Здесь все живые.

— Вот потому и подождут.

Я сел.

Она спросила:

— Ты записывать умеешь?

Я рассмеялся.

— Немного.

— Не смейся.

Она говорила совершенно серьёзно.

— Напиши то, что скажу.

— Зачем?

— Потому что мать велела никому не рассказывать.

Я не удержался.

— Отличное начало.

Евдокия Савельевна вдруг схватила меня за запястье.

Сила в её пальцах была совершенно несоразмерна возрасту.

— А теперь велела.

Я перестал улыбаться.

— Когда?

— Сегодня ночью.

Полагаю, именно тогда мне следовало уйти.

Вместо этого я принёс тетрадь.

* * *

Мать Евдокии Савельевны звали Марфа Никифоровна.

Родилась она в Бобровке.

Семья принадлежала к старой вере — из тех, кого в этих местах называли «поляками».

Когда Марфе исполнилось шестнадцать, её выдали замуж в Винное.

Муж умер от горячки через два года.

После этого она жила у старшей сестры — Ульяны — и её мужа, Фёдора Терентьевича.

Фёдор был человеком зажиточным и, по словам Евдокии Савельевны, выполнял в селе какие-то обязанности старшины.

Насколько это соответствует реальности, я установить не могу.

Но именно в его доме, как утверждала Марфа, всё произошло.

В декабре 1919 года.

Точную дату мать Евдокии Савельевны якобы помнила до самой смерти.

Восьмое декабря.

Семипалатинск уже пал.

По деревням ходили слухи, что белые бегут, что Усть-Каменогорск вот-вот останется без старой власти, что казённые деньги увозят, бумаги жгут, склады растаскивают.

Обычный человек тогда не разбирался, кто победил.

Он просто закрывал ворота раньше темноты.

Утром восьмого декабря в Винное пришёл обоз.

Четыре телеги.

Не пять.

Евдокия Савельевна особенно на этом настаивала.

— Четыре было, — сказала она. — Пять потом стало.

Я переспросил.

— Потом?

— Пиши пока.

Телеги были тяжёлыми.

Колёса уходили в снег.

Каждая накрыта брезентом.

По бокам ехали девять солдат и офицер.

Форма у всех была разная.

Марфа не разбиралась в знаках различия, но запомнила офицера.

Высокий.

С очень светлыми глазами.

Фамилия — Оболенцев.

Или Оболенский.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.